

и люди это видятъ, и никому до этого нѣтъ дѣла!.. И это общество, на разумныхъ началахъ существующее, явленіе дѣйствительности!.. И послѣ этого имѣетъ ли право *человѣкъ* забаваться въ искусствѣ, въ знаніи 1). Я ожесточенъ противъ всѣхъ субстанціальныхъ началъ, связывающихъ, въ качествѣ вѣрованія, волю человѣка!..

„Что за дивная повѣсть Кудрявцева 2), — какое мастерство, какая художественность — и все-таки эта повѣсть не понравилась мнѣ. Начинаю бояться за себя — у меня рождается какая-то враждебность противъ *объективныхъ* созданий искусства. Въ другое время поговорю съ этимъ побольше... Поклонись милому Петру Николаевичу — вотъ еще человѣкъ, къ которому любовь моя похожа на страсть“...

Петербургъ, 9 декабря 1842 г. 3).

„Смерть Кольцова тебя поразила. Что дѣлать? На меня такія вещи иначе дѣйствуютъ: я похожъ на солдата въ разгарѣ битвы — палъ другъ и братъ — ничего — съ Богомъ — дѣло обыкновенное. Оттого-то, вѣрно, потеря сильнѣе дѣйствуетъ на меня тогда, какъ я привыкну къ ней, нежели въ первую минуту. Объ отцѣ Кольцова думать нечего: такой случай могъ бы вооружить перо энергическимъ, громоноснымъ негодованіемъ гдѣ-нибудь, а не у насъ. Да и чѣмъ виноваты этотъ отецъ, что онъ — мужикъ? И что онъ сдѣлалъ особеннаго? Воля твоя, а я не могу питать враждебности противъ волка, медвѣдя или бѣшеной собаки, хотя бы кто изъ нихъ растерзалъ чудо генія или чудо красоты, такъ же какъ не могу питать враждебности къ паровозу, раздавившему на пути своемъ человѣка. Поэтому-то Христосъ, видно, и молился за палачей своихъ, говоря: не вѣдать бо, что творятъ. Я не могу молиться ни за волковъ, ни за медвѣдей, ни за бѣшенныхъ собакъ, ни за русскихъ купцовъ и мужиковъ, ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но и не могу питать къ тому или другому изъ нихъ личной ненависти. И что напишешь объ отцѣ Кольцова и *какъ* напишешь? Во 1-хъ, и написать нельзя, во 2-хъ, и напиши — онъ вѣдь и не прочтетъ — а если прочтетъ, не пойметъ, а если и пойметъ — не убѣдится. Издать сочиненія Кольцова — другое дѣло, но какъ издать, на что издать, и проч., и проч. Совокупность всѣхъ такихъ вопросовъ парализуетъ мой духъ и производитъ во мнѣ апатію. Эта апатія, я начинаю догадываться, есть особенный родъ отчаянія“.

„Кр. получилъ еще стихи на смерть К., но увѣдомленія никакого — когда, какъ и пр. Все еще какъ-то ждется чуда, не воскреснетъ ли, не ошибка ли? Страдалецъ былъ этотъ человѣкъ — я теперь только понялъ его. Мнѣ смѣшно, горько смѣшно вспомнить, какъ переживалъ я его въ Петерб., какъ спорилъ противъ его возраженій. К. зналъ дѣйствительность. Торговля въ его глазахъ была синонимомъ мошенничества и подлости. Онъ говорилъ, что хорошо быть такимъ купцомъ, какъ ты, но не такимъ, какъ (другіе)... Одна мысль о началѣ новаго поприща униженія, пролазничества, плутней, приводила его въ ужасъ, — она-то и уса-

харила его... Чичиковъ дѣйствительно Ахиллъ русской Иліады... Диогенъ, увидя мальчика, пьющаго воду изъ рѣки рукою, бросилъ свой стаканъ, какъ ненужную вещь; намъ нельзя этого дѣлать, намъ законъ: или хрустальный, граненый стаканъ, или смерть, или подлость... Что ни говори, а оно такъ“.

„Спасибо тебѣ за вѣсти о славянофилахъ и за стихи на Дмитріева 1) — не могу сказать, какъ то и другое порадовало меня. Если не ошибаюсь въ себя и въ своею чувствъ, — ненависть этихъ господъ радуетъ меня — а смаку ея, какъ боги амброзію, какъ Воткинъ (мой другъ) всякую „сладкую дрянъ“; я былъ бы радъ ихъ мщенію... Я буду постоянно бѣсить ихъ, выводить изъ терпѣнія, дразнить. Вой мелочной, но все же бой, война съ лягушками, но все же не миръ съ баранами“.

„Жить становится все тяжелѣе и тяжелѣе — не скажу, чтобы я боялся умереть съ тоски, а не шута боюсь или сойти съ ума, или шататься, ничего не дѣлая, подобно тѣни, по знакомымъ. Стѣны моей квартиры мнѣ ненавистны; возвращаясь въ нихъ, иду съ отчаяніемъ въ душѣ, словно узникъ въ тюрьму, изъ которой ему позволено было выйти погулять. Это ты отъ меня уже слышалъ: но сколько бы я ни повторялъ тебѣ этого, никогда не буду въ силахъ выразить всей дѣйствительности этого страшнаго могильнаго ощущенія. Былъ грѣшокъ — любилъ я встарину преувеличить иноеродіи поэзіи содержанія и выраженія, но теперь, Богъ съ нею, со всякою поэзіею — немножко поэзіи, немножко веселости я предпочелъ бы чести сильно страдать. Теперь настала пора, когда не до поэзіи, когда страшно увѣряться въ прозаичной дѣйствительности собственнаго страданія, а увѣряться противъ воли“...

Къ Н. А. Бакунину.

Петербургъ, 9 декабря 1841 г. 2).

„...Видите ли, я все тотъ же, что и былъ, все та же *прекрасная душа*, безумная и любящая... 3)

„Обаятеленъ міръ внутренній, но, безъ осуществленія во внѣ, онъ есть міръ пустоты, миражей, мечтаній. Я же не принадлежу къ числу чисто-внутреннихъ натур... Недостатокъ внѣшней дѣятельности для меня не можетъ вознаграждаться внутреннимъ міромъ, и по этой причинѣ внутренній міръ — для меня источникъ однихъ мученій, холода, апатіи, мрачная и душная тюрьма. Сердце мое еще не отказалось отъ вѣры въ жизнь, ни отъ мечтаній; (хотѣлось бы) забыться дня на два отъ мученій жизни, отдохнуть усталюю душою, снова увидѣть такъ давно милые душѣ образы, которые иногда видятся сквозь житейскій туманъ, словно ангельскіе лики въ облакахъ... Но сознание мое покоряетъ сердце...; для моего же сознанія, жизнь равна смерти, смерть — жизни, счастье — несчастью, и несчастье — счастию, потому что все это призраки, создаваемые субъективною настроенностью нашего духа въ ту или другую минуту, а сами мы — исчезающія волны рѣки, тѣни преходящія. Я не вѣрю моимъ убѣжденіямъ, и не способенъ измѣнить имъ; я смѣшнѣ Донъ-Кихота: тотъ по крайней мѣрѣ отъ

1) Еще базаровская черта въ сороковыхъ годахъ, замѣчаетъ г. Пыпинъ (стр. 126, т. II).

2) Бѣлинскій говоритъ, вѣроятно, о новой повѣсти Кудрявцева «Цѣтокъ», въ «Отеч. Зап.» 1841, кн. 9.

3) Пыпинъ, А. «Бѣлинскій» т. II, стр. 157—159, 166, 168—169.

1) Въ отвѣтъ на стихотвореніе «Безыменному критику».

2) Пыпинъ, II, 190—181; Миллюковъ, Р. Вѣд. 95 г. № 323.

3) Письмо писано въ отвѣтъ на приглашеніе прѣхать въ Прикухину (деревню Бакуниныхъ). Приписки сестеръ къ письму Бакунина, съ улюлюканіемъ приглашенію, вызываютъ въ душѣ Бѣлинскаго дѣльный взрывъ заснувшего чувства.